

Вадим БАДАНОВ

г. Петрозаводск

СВЯТИТЕЛЬ

(Феофан Затворник в Карелии)

сентябрь 1855 – май 1856 гг.

*«... Святые даются нам в помощь
как образы богочеловеческой жизни,
как новое живое слово
Божие к нам...»*

(Православный катехизис)

Среди довольно большого числа святых, подвизавшихся на территории нашего края, особо следует упомянуть личность святителя Феофана, внесшего значительный вклад в дело укрепления и развития православия в Карелии.

Епископ Феофан Затворник (Говоров) (1815–1894) – крупнейший духовный писатель России 2-й половины XIX в., знаменитый православный подвижник, поэт и публицист, доктор богословия, переводчик церковной святоотеческой литературы, был официально причислен к лику святых только в год 1000-летия принятия Христианства на Руси (1988 г.), хотя еще при своей земной жизни он почитался верующими как угодник Божий.

В решении Поместного Собора РПЦ о канонизации Феофана Затворника отмечалось: «Глубокое богословское понимание христианского учения, а также опытное его исполнение и, как следствие этого, высота и святость жизни святителя позволяют смотреть на его писания как на развитие святоотеческого учения с сохранением той же православной чистоты и богопросвещенности». Один из дорево-

люционных биографов преосвященного Феофана с полным правом утверждал, что труды его сопоставимы с творениями святых отцов IV столетия от Р. Х. золотого века византийского православия.

Жизненный путь Феофана оказался в некотором отношении парадоксальным – он бежал от мира, «затворился» от общества, от людей – а в результате стал их духовным наставником. Для русского православия 2-й половины XIX в. Феофан Затворник был учителем духовной христианской жизни и нравственным авторитетом. Многие представители русской философской мысли также не обошли вниманием замечательную и колоритную личность святителя Феофана.

Г. П. Федотов писал о нем: «...влияние этого писателя на народную жизнь было несравненно более сильным и глубоким, чем любого из кумиров русской интеллигенции». На авторитет Феофана Затворника опирался и К. Н. Леонтьев в своих спорах с Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, В. С. Соловьевым. В. В. Розанов отмечал у вышенского старца Феофана то «странное, в высоких лишь душах соединимое, чувство почти обоготворения человека, которое отливает желчь идеализма и дает ему силу, умение любить «всяческое во всем». С. Н. Булгаков (о. Сергий), в числе других подвижников православной церкви, характеризовал «духоносность» епископа Феофана как «особую духовную силу», как «иную

высшую жизнь, в них открывающуюся в пределах нашей человеческой жизни». Протоиерей о. Георгий (Флоровский) в своей знаменитой книге «Пути русского богословия» дает очень высокую оценку творчеству и жизненному подвигу святителя Феофана.

Г. В. Говоров родился 10 (23) января 1815 г. в семье священника Орловской губернии. После окончания школы и семинарии он поступил в Киевскую духовную академию, в стенах которой и принял монашество (1841 г.) под именем Феофана (Богоявленский). С 1844 по 1847 г. он читал лекции в С.-Петербурге, будучи бакалавром кафедры нравственного и пастырского богословия столичной духовной академии. На основе этих лекций позднее вышла книга Феофана под названием «Путь ко спасению» в 3 томах, принесшая автору большой авторитет среди православных христиан Российской империи.

Важнейшей вехой в жизни святителя Феофана стало шестилетнее пребывание его на Ближнем Востоке (1848–1854 гг.) в составе Русской духовной миссии, возглавляемой о. Порфирием Успенским. Служба в священном городе Иерусалиме, изнурительная работа в библиотеках, посещение древних монастырей и пещер пустынножителей в Палестине и Египте во многом изменили его мировоззрение и преопределили его дальнейшую судьбу. Именно здесь тогда еще иеромонах Феофан в совершенстве овладел древними языками и начал собирать старые рукописи и книги. Вполне возможно, что в это время впервые явилась у святителя мысль и о собственном отшельническом подвиге.

Начавшаяся Восточная (Крымская) война (1853–1856) вынудила русских миссионеров покинуть Иерусалим и вернуться в Россию. Их путь пролегал через Европу. В Италии Феофан проявил себя как любитель и знаток живописи эпохи Возрождения. В Риме состоялась беседа русских паломников с папой Пием IX. В Германии Феофан тоже не терял времени, осматривая центры культуры («немецкой учености»), библиотеки и музеи. Здесь ему также удалось пополнить книжную коллекцию, вывезенную с Ближнего Востока. Русская духовная миссия вернулась на родину лишь в 1855 году.

За труды святитель Феофан в апреле 1855 г. был возведен в сан архимандрита и определен в С.-Петербургскую духовную академию бакалавром по кафедре канонического права. 12 сентября 1855 г. Феофан получает новое назначение на должность ректора Олонецкой духовной семинарии и отправляется в Петрозаводск. Таким образом, к моменту прибытия в столицу Олонецкой губернии Феофан уже сформировался как убежденный православный подвижник и христианский просветитель. Назначение свое в глухой карельский край, где особенно

сильны были позиции старообрядчества, Феофан рассматривал не как ссылку, а как важное служение делу православия.

К сожалению, олонецкий период жизни ректора Феофана до сих пор не получил достаточного освещения в исторической литературе. Между тем именно этот период особенно важен для всестороннего понимания особенностей личности и творчества святителя во время его «затвора» в Вышенской пустыни. Дело в том, что 1855–1856 годы были весьма продуктивны для Феофана как педагога-воспитателя, духовного наставника и ознаменовались активной проповеднической деятельностью.

В последующие десять лет (1856–1866) перед уходом «от мира» он занимал в основном должности на церковной службе и прошел путь от настоятеля Посольской церкви в Константинополе (1856) до рукоположения во епископа Тамбовского и Шацкого (1859), а затем и архиепископа Владимирского и Суздальского (1863). Иначе говоря, именно в Карелии Феофан явил себя более всего в роли воспитателя юношества, педагога и яркого проповедника, достигнув на этом поприще впечатляющих успехов. Только за весьма короткий период в 1855–1856 гг., когда святитель был бакалавром С.-Петербургской духовной академии и ректором Олонецкой духовной семинарии, им было прочитано значительное число лекций и произнесено множество проповедей. К великому сожалению, из всего этого бесценного наследия сохранились полностью только три проповеди – одна, произнесенная в С.-Петербурге, и две – в кафедральном соборе Петрозаводска.

Прибытие святителя Феофана в Петрозаводск в сентябре 1855 года прошло очень буднично, почти незаметно. Перед местным духовенством предстал новый ректор Олонецкой духовной семинарии. Обычный сорокалетний человек небольшого роста, немного болезненного вида, с жидкими темно-русскими волосами и длинной окладистой бородой. Особо же отмечались современниками только глаза архимандрита Феофана, «искрившиеся блеском умственной пылкости» и «светившиеся тихим светом глубокой задумчивости».

Служение святителя в должности ректора духовной семинарии потребовало от него огромного напряжения сил и терпения. Олонецкая семинария к тому времени была совершенно не устроена. Она не имела даже собственного здания и размещалась в архиерейском доме вместе с городским духовным училищем. Весьма скудной была и семинарская библиотека, пополнением которой никто раньше не занимался. Значительного внимания требовали и учащиеся Олонецкой семинарии, большая часть которых проживала на

квартирах мастеровых Александровского завода, и, пользуясь бесконтрольностью, они нередко приобщались к табаку и спиртному.

Поэтому главной заботой отца Феофана с первого же дня своего служения в Олонецкой губернии стало духовно-нравственное и гражданское воспитание учащихся семинарии. При этом святитель не избегал и хозяйственных вопросов, заботясь о материальном улучшении жизни учебного заведения. Феофан весьма энергично занимался организацией строительства отдельного здания для семинарии, в чем немало преуспел, правда, не смог довести это дело до конца в связи с отзывом в Петербург и последующим назначением в Константинополь на должность настоятеля Посольской церкви.

Огромной заслугой святителя Феофана в деле воспитания и просвещения жителей нашего края стало создание им в Петрозаводске полноценной семинарской библиотеки. Прибыв из культурных центров Ближнего Востока и Западной Европы, Феофан не мог мириться со скудостью книжного фонда Олонецкой духовной семинарии. С присущей ему энергией святитель принялся за собирание библиотеки.

Для начала он добился разрешения от церковных властей на перенос из кафедрального собора Петрозаводска в семинарию множества лежащих без дела старообрядческих книг и рукописей, «арестованных» местным духовенством. Несколько позднее архимандрит Феофан обратился в правления духовных академий С.-Петербурга и Киева с просьбой выслать в Петрозаводск имеющуюся у них дублетную и малоиспользуемую литературу. Руководители духовных академий России, уже тогда с уважением относившиеся к Феофану, удовлетворили его просьбу и выслали в дар Олонецкой семинарии значительное количество необходимой литературы.

Кроме всего прочего, семинарская библиотека стала пополняться книгами, приобретенными у местного населения, в том числе и на личные средства отца-ректора. 6 марта 1856 г. о. Феофан в письме к епископу Олонецкому и Петрозаводскому Аркадию (Федорову), находящемуся в С.-Петербурге, с радостью сообщал: *«Теперь мы имеем под руками, кажется, все нужнейшие книги»*. Действительно, к началу 1860-х годов семинарская библиотека как по количеству (около 10 тыс. томов), так и по качеству книжного фонда стала крупнейшей научной библиотекой нашего края. Эта библиотека была любимым детищем святителя. Не случайно, когда он уезжал из столицы Олонии, он и свою личную, весьма богатую библиотеку, пожертвовал в пользу семинарии. За это Феофан удостоился благословения со стороны Святейшего Синода, правда, так и не узнав об этом.

Более того, уже находясь в «затворе», вышенский старец посылал свои книги для Олонецкой семинарской библиотеки.

В 1879 году, когда в нашем крае отмечался 50-летний юбилей Олонецкой духовной семинарии (1829–1879), от святителя Феофана было получено письмо, адресованное ректору семинарии протоиерею Петру Щеглову следующего содержания: *«Прошу принять, достопочтеннейший отец ректор, полные и искренние мои благопожелания семинарии вашей и вам, столь много потрудившемуся в благоустройении ее. Да благословит вас Бог во всем и на все время!.. Посылаю книжки. Там есть несколько и для Вас лично. Чем богат, тем и рад. Прошу на большее не прогневаться... буду присылать книги последовательно для семинарской библиотеки. Призываю благословение Божие на Вас, семинарию вашу и всех сослуживцев ваших»*.

Помимо учебно-воспитательной работы, на архимандрита Феофана были возложены многие дела по епархии, поскольку епископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий (1851–1869) на длительное время был вызван в С.-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Святитель Феофан фактически заменял Олонецкого владыку в его отсутствие.

Исполняя обязанности епископа, Феофан весьма тесно соприкасался с жизнью и деятельностью местного приходского духовенства. 17 октября 1855 г. святитель был определен членом Олонецкой духовной консистории, которая ведала всеми религиозными учреждениями и лицами духовного звания губернии. В составе общего присутствия консистории он рассматривал вопросы, связанные с особым положением Олонецкой епархии (приграничное положение, значительное влияние старообрядчества), размышлял о состоянии отдельных приходов, церквей и монастырей.

В те времена в Олонецкой епархии особенно плохо обстояло дело с проповеднической деятельностью. Среди духовенства почти не было лиц, которые могли бы выходить «в народ» с открытыми проповедями. Неоднократно Олонецкая духовная консистория ставила вопрос об улучшении проповеднической деятельности приходского духовенства, но все напрасно – ситуация не менялась к лучшему. Положение несколько изменилось только в связи с появлением святителя в нашем крае. Свое служение на посту ректора семинарии и исполняющего обязанности епископа Феофан озаменовал яркой проповеднической деятельностью, отдавая много сил духовному деланию.

К сожалению, из всего олонецкого наследия пресвященного Феофана до нас дошли в опубликованном виде только две его проповеди, произне-

сенные в Петрозаводске в кафедральном соборе перед местной паствой. Никаких других текстов (или даже фрагментов, набросков, отрывков) святителя олонецкого периода пока обнаружить не удалось. Тем не менее даже эти две гомилии Феофана дают достаточное представление об ораторском таланте и живости слова святителя. Обе проповеди его, произнесенные в Петрозаводске, – образцы подлинного ораторского искусства, глубины и точности мысли автора.

Проповедь о. Феофана на Новый 1856 год не имела в своем основании какого-либо текста священного писания или церковной песни, она была посвящена размышлениям о времени и временности человеческого бытия. Эта проповедь – своего рода философское эссе крупнейшего богослова и прекрасного знатока святоотеческой литературы. Ушедший 1855 год унес из жизни императора Николая I. В этом году Российская империя потерпела ряд поражений от войск европейских стран и Турции в Крымской войне. При новом императоре Александре II начались изменения во внутренней политике государства. В свои права вступала первая в истории России «оттепель», в стране повеяло «духом свободы». Русское общество замерло в ожидании перемен, а то, что они обязательно произойдут, уже мало кто сомневался.

Проповедь Феофана как раз и начиналась с мысли о прошедшем годе и о наступившем настоящем празднике, который, в свою очередь, через год тоже закончится вступлением в свои права уже следующего года. Мысль о временности бытия стала началом проповеди. *«Непрерывно и быстро течет река времени и спешит к черте, за которую не будет более времени, – говорил о. Феофан. – Но и мы не на берегу сей реки стоим, чтоб быть сторонними только зрителями ее течения. Нет, но по ней или вместе с нею и в ней влечемся и сами тем же путем временных изменений к своему концу».* Человеческую жизнь святитель сравнивал с тонкой полосой света среди густого мрака ночи.

А между тем жизнь человека имеет некое постоянство, определенную стабильность. *«Кто же держит нас в этой бездне ничтожества (т.е. пустоты. – В. Б.)?»* – вопрошал Феофан. *– Кто же не дает окружающему нас ничтожеству поглотить нас? Кто, отъемля действительность у прошедшего, сохраняет бытие для настоящего и, внося в будущее, которого нет, вносит существующим?»* Ответ на это готов у всякого, утверждал святитель: *«Тот, Кто сотворил нас, в Ком источник всякого бытия, Кто все содержит и живет».* Наше хрупкое настоящее, которое сразу становится прошлым, учит нас понимать кратковременность земного бытия челове-

ка и заставляет думать о жизни иной. Однако, отмечал Феофан в своей петрозаводской проповеди, наше прошлое всегда с нами. Как бы порадовался иной, если б многое из того, что было чувствуемо, любимо, замышляемо и приведено в исполнение, исчезло навсегда и никогда не помянулось! Но нет, ничто не исчезает, ничто не обращается в ничто – ни мысль, ни слово, ни желание, ни дело. Пусть иное и ускользнуло из памяти, но оно все же есть, цело, не пропало, хранится.

Жизнь человека святитель Феофан сравнивал с клубком ниток: *«Нити слой за слоем наматываются и образуют клубок, при этом виден только верхний слой, но и прочие все целы, только прикрыты, – говорил он. – Памятны только недавние дела и те, коих прикрыть уже нельзя, но и все прочие дела не исчезли, а есть – только сокрылись внутрь сердца и совести. Размотайте клубок и увидите все нити – и в том виде, как они были намотаны. Так будет время, когда все, сокрытое внутри нас, раскроется, выйдет наружу и будет явно и нам, и всем».* Отсюда вывод: человек не должен допускать в себя ничего нечистого и греховного, должен вести жизнь праведную и воздерживаться от неблаговидных поступков. *«Будем помнить, – учил святитель, – что жизнь наша не шутка и ничем в жизни шутить не должно, ибо все в ней имеет вечную цену».* Что же делать тем людям, кто уже допустил греховные мысли, дела, поступки «по легкомыслию, нерадению, увлечению и страсти? *«Есть только одно средство изгладить худое дело, – отвечал Феофан на этот вопрос, – и изгладить так, что оно уже не помняется в числе дел человеческих. Средство это – покаяние. Оно только изглаживает грехи...»* Таким образом, и настоящее, и прошедшее учат нас чистоте и покаянию. А какой же урок может нам преподать непредсказуемое будущее?

Святитель далее отмечал, что наше будущее теснейшим образом связано с прошлым и настоящим, хотя предсказать его не может «ни один сотворенный ум». *«Пусть не знаем мы, – утверждал Феофан, – что с нами будет впереди, но, зная одно, что с нами будет то, что Богу угодно, мы уверены, что с нами будет одно добро. И не лучше ли вместо всякого желания определить свое будущее, – продолжал он, – желать одного, чтобы с нами было то, чего хочет Бог, и молиться об одном: буди воля твоя, Господи, над нами! Это самый надежный руководительный свет во мраке будущего, узда для наших неопределенных желаний, пустых страхов и безотрадной безнадежности!»* Проповедь Феофана, произнесенная в Петрозаводске на новый 1856 год, заканчивалась словами, ставшими потом широко известными в России, и цитирова-

лись довольно часто многими духовными писателями: «Жизнь наша на земле есть эпитимия. А тому, кто несет эпитимию, что свойственно, – сетовать, сокрушаться и плакать о грехах своих».

Вторая проповедь, которая сохранилась до нашего времени из петрозаводского периода святителя, была произнесена им в день Великой Пятницы 1856 года. В основу текста проповеди Феофан положил евангельский сюжет о снятии с креста Спасителя. В своем слове к жителям столицы Олонии он призывал к размышлению о значении тяжких мучений Господа и способах сострадания Ему. «Сии язвы – суть дело рук наших, в сих муках и в сей смерти виновны именно мы, – говорил святитель. – Наши неправые мысли и планы, наше легкомыслие, а иногда и вольномыслие сплетали сей венок терновый, неверность нашего сердца Богу и наши пристрастия пробили сии ребра, наши неправды и блуждения по распятию греха пронзали гвоздями сии руки и ноги, наше плотоугодие всевозможное покрывало ранами сии плечи и все тело».

В этой проповеди Феофан говорил о том, как возможно выразить свое сострадание Иисусу. Это сострадание (святитель даже использовал здесь слово «сораспятие») должно быть деятельным, а не мечтательным, состраданием не на словах, а на деле. Проповедник указал три способа такого деятельного сострадания и сораспятия. Первый – после покаяния в грехах не грешить более и идти неуклонно путем правды, второй – терпеливое несение креста своего, то есть выполнение всех возлагаемых на христианина обязанностей, и третий – живое духовное «сораспятие» Христу. Эта «брань внутренняя», по Феофану, требует особых подвигов от верующего: «самоумерщвления, потребует поста, бдения, труда молитвенного, внимания к себе, отрече-

ния от своей воли». «Гнев пришел, – говорил он, – погаси его; похоть возбудилась – умертви ее; корыстолюбие влечет – отсеки его; зависть искушает – подави ее; осуждение наущает – не внимай ему; тщеславие прививается – отжени его». Феофан, обращаясь к петрозаводской пастве, замечал, что только деятельное сострадание к Господу может привести к чистоте души и покаянию и, в конечном счете, ко спасению человека.

«Неужели же думает кто, – вопрошал он, – все дело своего спасения возложить на одного Господа, а сам и перстом не хочет коснуться сей тяжести? Пусть спасает один, как хочет. Спаси меня, и все тут. Ах, братья, у Господа столько любви к нам, – продолжал святитель, – что он и это готов бы сделать для нас, если б могла быть от того какая польза для нас. Но нельзя...» Только живое и деятельное сочувствие и сострадание открывают человеку путь ко своему спасению. Во всех других случаях (внешняя религиозность, посещение храмов, молитвы без веры, большие пожертвования и т. п.) люди неизбежно отсекают себя от путей Господних, отрекаются от Креста, не отдавая себе в этом отчета и считая себя «православными верующими».

Обе проповеди святителя Феофана, произнесенные в Петрозаводске, – прекрасные образцы церковного красноречия, свидетельствующие о его проповедническом таланте. Они вполне подтверждают выводы многих богословов конца XIX – начала XX в. о том, что «по широте и

*Вышенская пустынь.
Затворник Феофан*

глубине мысли, обилию знаний, точности и ясности изложения, теплоте и чистоте чувств печатные труды святителя Феофана не имеют себе равных в нашем Отечестве».

В мае 1856 г. архимандрит Феофан оставил наш край. Однако интерес к Олонецкой епархии не угасал у него до конца жизни.

В 1866 году, находясь на самом, казалось бы, «взлете» церковной карьеры (до этого он четыре года был епископом Тамбовским и Шацким (1859–1863) и три года епископом Владимирским и Суздальским (1863–1866)), епископ Феофан неожиданно подал в Священный Синод прошение об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. Прошение было удовлетворено, и он, наконец, получил то, к чему давно чувствовал свое главное духовное призвание: полное отрешение от житейских дел, уединение.

В письмах своих святитель свидетельствовал, что поистине счастлив в Выше: «Вышу можно променять только на Царство Небесное». Уйдя в затвор, он устроил в своих комнатах малую церковь во имя Крещения Господня и проводил жизнь в богослужении и молитве, в напряженном чтении, в трудах писательских. Весь этот духовный и поистине бесценный опыт, накопленный на разнообразных жизненных поприщах, и особенно в годы затвора, был мобилизован святителем в его огромной переписке с многочисленными корреспондентами, среди которых были представители всех сословий, от сановника до крестьянина. Ежедневно почта приносила от 20 до 40 писем, и старец обязательно отвечал на каждое из них, точно угадывая состояние и потребности писавшего и находя для каждого человека необходимое слово. Он обладал редким даром просто, ясно, лаконично говорить о самых сложных пред-

метах, о самых глубоких и премудрых вещах. В письмах Феофана Затворника нет и тени скучной назидательности, сухого морализма. Они отличаются самоотверженной любовью, сердечным вниманием к людям – и оттого написаны таким живым и весьма образным слогом.

В своем «затворе» старец Феофан вел весьма обширную переписку с корреспондентами со всех областей России, в том числе и из Олонецкой губернии. В одном из писем святитель, обращаясь к неизвестному ныне корреспонденту-олончанину, восклицал: «У Вас в виду остров Валаам. Даруй Господи утешиться вам там святым утешением. Наберитесь тамошним воздухом побольше, чтобы хватило не на один год». С большим вниманием и уважением следил вышенский старец и за деятельностью о. Иоанна Кронштадтского, принимавшего участие в делах Олонецкой епархии с 1880-х годов. В письме 1892 г. святитель Феофан так отзывался об отце Иоанне: «О. Иоанн Кронштадтский – Божий человек. Молитва его к Богу доходна, по великой вере его. Господь да хранит его в смирении и преданности Его святой воле, и в самоотвержении. У него не одна книжка, а до 15 или более. Потрудитесь приобрести... Вон вышли книги... «Моя жизнь во Христе» озаглавлены, о. Иоанна Кронштадтского – одного сорта с моими. Но в них есть многое лучше написанное, чем у меня... о. Иоанн часто исповедует. У него бывает народу не до 200, а до 2000. Это милость Божия!!..»

Для православной Карелии даже столь короткое присутствие святителя Феофана в должности ректора духовной семинарии и члена олонецкой духовной консистории имело большое значение. Все труды его по обустройству семинарии и Олонецкой епархии не пропали бесследно, они были продолжены его преемниками и учениками.

□

Вадим Георгиевич БАДАНОВ

родился в 1962 г. в Петрозаводске.

Доцент кафедры гуманитарных дисциплин КФ

Северо-Западной академии госслужбы,

кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки и образования,

профессор Российской Академии естествознания.

Автор более восьмидесяти научных работ по истории Карелии,

опубликованных в научных изданиях Республики Карелия, Москвы,

С.-Петербурга, Вологды, Каргополя, Сыктывкара, Тюмени и Финляндии,

автор ряда книг по истории Карелии.

В «Севере» публикуется с 1998 г.

